

Поклонницы Шан Сижуй часто были жёнами из таких семей, где, чтобы устроить домашний спектакль для наложницы, главная супруга с энтузиазмом помогала с подготовкой, чтобы угодить мужу. Шан Сижуй иногда считал их добродетельными, а иногда — очень глупыми. Сегодня, выслушав слова Чэн Фэнтая, он взглянул на них глубже и почувствовал, как они несчастны. Ведь у мужей есть возможность иметь по-настоящему любимую женщину помимо законной жены. Но у жён нет выбора, и, вероятно, всю жизнь они вынуждены жить со слепой, глупой любовью к мужу или вовсе без любви. В любом случае они никогда не смогут понять любовь между ним и Чэн Фэнтаем.

— Вот видишь, — Чэн Фэнтай бросил на него взгляд. — Зачем тебе жениться? Если уж женишься, то только на той, с кем будешь в гармонии и кого искренне полюбишь. Одной достаточно. Кроме меня, с кем ты ещё в гармонии?

Шан Сижуй глубоко с этим согласился:

— Да, тогда я женюсь на тебе! Так второй госпоже будет спокойнее.

С этими словами он с вождением погладил Чэн Фэнтая по щеке.

Чэн Фэнтай рассмеялся, перевернулся и прижал его:

— Три дня без тебя — и ты уже бунтуешь?

Они немного поборолись, страсть разгорелась, и снова началась бурная любовная игра.

Они дурачились в постели до самого полудня, потом, сидя на кровати, поели, а Шан Сижуй, почувствовав, что тело липкое от пота, настоял на том, чтобы принять ванну перед ночным спектаклем. Сегодня вечером ему предстояло петь с Юй Цин оперу кунью «Подруга, ценящая аромат». Костюмы и головные уборы для спектакля Шан Сижуй и Ду Ци разработали по старинным книгам, вложив в каждый элемент много усилий и красоты. Чтобы выглядеть идеально, нужно было быть свежим и чистым. Смеясь и болтая, они поехали на машине в малый особняк.

Танцовщица, которая прошлой ночью была с Фань Лянем, только что проснулась и с растрёпанными кудрями пила кофе и ела сладости внизу. На проигрывателе играла пластинка шанхайской стриптизёрши. С тех пор как Шан Сижуй в прошлом году устроил скандал, танцовщица больше не видела Чэн Фэнтая, поэтому на звук автомобильного гудка не обратила внимания. Только когда Матушка Чжао открыла дверь и Шан Сижуй, заложив руки за спину, с важным видом вошёл в дом, она чуть не подавилась кофе.

— Ой, господин! Вы приехали! С прошедшим праздником!

Её приветствие звучало так, словно она зазывала клиентов в публичном доме.

Шан Сижуй медленно перевёл на неё взгляд и равнодушно ответил:

— Ага.

Затем его внимание резко переключилось на торт и сладости на столе. Танцовщица поспешила предложить ему присесть и угоститься, и Шан Сижуй, сделав одолжение, сел и начал есть. Матушка Чжао подала ещё две пары чашек и блюдо для Шан Сижуйа и Чэн Фэнтая. Шан Сижуй поставил перед собой весь кувшин с молоком для кофе, добавил как минимум пять кусочков сахара, затем открыл кофейник и маленькой серебряной ложкой налил две ложки кофе в молоко, чтобы сладкое молоко приобрело аромат кофе, но без горечи.

Танцовщица, не будучи местной, с интересом наблюдала за этим и не удержалась от смеха:

— Господин, это что, старый бэйпинский способ пить кофе?

Шан Сижуй, не испытывая к ней симпатии, бросил на неё взгляд и ничего не ответил.

Чэн Фэнтай улыбнулся:

— Ладно, если у тебя больше нет дел...

Танцовщица перебила:

— Знаю, знаю. Если у меня больше нет дел, я пойду прогуляюсь.

С этими словами она, покачивая бёдрами, поднялась наверх переодеваться и наносить макияж.

Чэн Фэнтай сидел с Шан Сижуйем, наблюдая, как тот ест. Обычно, когда они ели вместе, Шан Сижуй ел много, а Чэн Фэнтай в основном смотрел. После недавнего приёма пищи он мог только выпить немного чёрного кофе, чтобы помочь пищеварению, но есть больше не мог. Шан Сижуй же с удовольствием отрезал большой кусок торта и отправлял его в рот.

Чэн Фэнтай спросил его:

— Господин Шан, сколько раз в день ты вообще ешь?

Шан Сижуй ответил:

— Как получится. Если есть еда — ем, если голоден — ем. Без определённого графика.

Он съел ещё порцию, почти как полноценный обед, вытер рот и откинулся на спинку стула, устав от еды. Танцовщица наконец закончила с макияжем. На ней было платье-ципао, пальто, чулки и туфли на высоком каблуке. На голове — модная шляпа с фиолетовой вуалью, закрывающей левую половину лица, и полный набор бриллиантовых украшений. Всё это выглядело очень вызывающе. Она обменялась с ними парой вежливых фраз на прощание, а Шан Сижуй, бросив на неё взгляд, вдруг застыл, уставившись на бриллиантовое кольцо на её руке. Женщины инстинктивно чувствуют, когда на что-то смотрят с вожделением, будь то красота или материальные ценности. Сладости можно уступить, но ювелирные украшения — ни за что. Танцовщица подумала: «Если этот заяц вдруг топнёт ногой и захочет это кольцо, кто

знает, что натворит Чэн Фэнтай? Ведь это он его купил, и, скорее всего, заставит меня снять!» От этой мысли она растерялась, словно почувствовав угрозу своей добродетели, и, пробормотав что-то, сбежала.

Чэн Фэнтай тоже заметил, что Шан Сижуй заинтересовался, и, поскольку тот никогда не проявлял интереса к драгоценностям, с удивлением спросил:

— Что, понравилось?

Шан Сижуй отвёл взгляд:

— Как думаешь, таким можно ослепить всех зрителей в театре?

Оказывается, он рассматривал его как часть сценического образа.

Чэн Фэнтай усмехнулся:

— У неё этот камень не самого лучшего качества, но сейчас и такие редко встретишь. Времена беспокойные, хорошие вещи прячут для сохранности, не носят напоказ на женщинах.

Шан Сижуй кивнул:

— Я видел, как твоя сестра носила кольцо ярче, но всего пару раз.

Чэн Фэнтай задумался:

— То, что в свете лампы отливает синим?

Шан Сижуй подтвердил. Чэн Фэнтай улыбнулся:

— У этого кольца интересная история. Говорят, это был подарок царицы в знак любви. Мастера, который его изготовил, убили, чтобы это изделие осталось единственным в своём роде. Позже, когда царскую семью уничтожили, часть драгоценностей попала на рынок, и мой шурин обменял его у русских солдат на целый арсенал.

Он сделал паузу:

— Если так подумать, вещь, снятая с мёртвых, — не самое удачное приобретение.

Шан Сижуй не придавал этому значения:

— Ты что-то слишком суеверный! Мне это кольцо кажется очень эффектным и красивым.

Чэн Фэнтай, видя его отношение, втайне принял приятное решение, слегка улыбнулся, повёл его вверх, где они снова предались нежностям, а затем улёгся в ванну с горячей водой. Вещи, созданные иностранцами, казались Шан Сижую странными и неудобными, но шоколадный торт и дом ему нравились. Дом, построенный иностранцами, отличался удобной ванной

комнатой с бесконечным запасом горячей воды и унитазом, который мгновенно смывал всё, избавляя от необходимости кипятить воду и ждать. Это идеально подходило для его нетерпеливого характера. После ванны он, голый, плюхнулся на матрас, перекатился и почувствовал себя настолько комфортно, что даже захотелось, как в детстве, сбежать со спектакля.

Чэн Фэнтай, сидя на краю кровати, похлопал Шан Сижую по ягодицам:

— Господин Шан, здесь хорошо?

Шан Сижуй радостно ответил:

— Очень!

— Переехать сюда жить?

— Нет.

— Почему опять нет?

— Кровать слишком мягкая, вредно для спины. Если спать на ней слишком много, не сможешь делать «переворот ястреба». Иногда можно, но не постоянно.

Чэн Фэнтай спросил:

— Что такое «переворот ястреба»?

На самом деле он, конечно, видел, как Шан Сижуй исполнял этот элемент, просто для непосвящённого названия и сцены никогда не совпадают.

Шан Сижуй, никогда не любивший поучать, серьёзно ответил:

— Ястреб — это птица. «Переворот ястреба» — это когда птица «чик» и переворачивается.

С этими словами он даже продемонстрировал движение, перевернувшись на спину и выставив напоказ то, что находилось между его ног. Он был свеж и бодр после ванны, от него исходил аромат французского мыла с жасмином. Его кожа была белой и гладкой, тело пропорциональным, и, лежа на кровати, он напоминал цветок или конфету — что-то красивое, изящное, новое и чистое, от чего сердце начинало биться чаще и во рту пересыхало.

Чэн Фэнтай, казалось, никогда не мог насытиться им. Он начал целовать его со лба, затем перешёл к кончику носа, губам, подбородку, шее, постепенно спускаясь ниже, задерживаясь на груди и посасывая соски. Шан Сижуй, наслаждаясь, прикрыл глаза, а руки, скользя под расстёгнутый халат Чэн Фэнтая, ощупывали его грудь и спину. Чэн Фэнтай забрался на кровать и добрался до живота Шан Сижую, который, не в силах терпеть, подогнул колени и засмеялся, а между ног уже начал проявляться интерес.

Чэн Фэнтай, поиграв с ним, пошутил:

— Ну вот, это и есть «переворот ястреба».

<http://bllate.org/book/15435/1368654>